

Зоя Богуславская

Халатная ЖИЗНЬ



УДК 821.161.1–94
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
Б74

Богуславская З. Б.

Б74 Халатная жизнь / Зоя Борисовна Богуславская. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 528 с. — (Персона).

ISBN 978-5-389-27522-5

В этой книге очень много имен известных людей: актеры Высоцкий, Табаков, Меньшиков, режиссер Любимов, писатели Аксенов, Солженицын, Битов, художники, политики, музыканты. Книга писательницы Зои Богуславской — подлинная энциклопедия культурной жизни Москвы (и гораздо шире) за последние 80 лет. Столетняя Зоя Борисовна описывает лишь то, чему сама была свидетелем и в чем участвовала. Последнюю четверть века она ведет записи, хронику самых интересных событий, и попутно вспоминает свою жизнь. Эти записи уникальны. То, о чем она рассказывает, нигде больше прочитать нельзя, и никто другой об этом не расскажет.

УДК 821.161.1–94
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

ISBN 978-5-389-27522-5

© Богуславская З. Б., 2025
© ООО «Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2025
КоЛибри®

От издателей

Основа этой книги — расшифровки рассказов Зои Борисовны, которые она сначала называла диктовками, а потом придумала название Вспышки, и Вспышки стали превращаться в фотокадры прошлого с комментариями из сегодняшнего дня. Название «Халатная жизнь» Зоя Борисовна также предложила сама, и в конце книги вы прочитаете замечательно остроумное объяснение этому.

Для удобства читателя мы постарались соблюсти хронологию и выстроили диктовки разного времени не по дате записи (сохранив эти даты, потому что иногда они кое-что уточняют), а по годам, о которых идет речь. Но эта хронология не абсолютна, потому что, естественно, рассказывая о чем-то, Зоя Борисовна связывает разные события и людей, вспоминает, добавляет какие-то черточки к рассказу, и эту ткань нельзя нарушить, не порвав тонкие переходы мысли и эмоций. А они очень важны. Эмоции, ощущения, воспоминания.

Малая доля из собранного нами была опубликована в каких-то сборниках и статьях. Однако мы посчитали необходимым вернуться к некоторым довольно известным фактам и событиям, дабы не разрушить течение жизни и учитывая, что не всякий читатель достаточно осведомлен как о жизни Зои Борисовны и Андрея Андреевича, так и об истории московской, в основном, культуры середины XX столетия.

Эта книга очень личная. Мне особенно важно и дорого, что здесь звучит голос и интонации Зои Богуславской, всегда упрямые и свободные от стороннего влияния. Она так живет, так думает, так говорит и совершенно не боится, что с ней кто-то не согласится. Скорее она к этому и призывает — давайте спорить, давайте сражаться и отстаивать свои убеждения. Только при этом еще будем дружить и уважать друг друга. В этом вся мама.

Она никогда не была матерью, которая дрожит над своим ребенком. Мама всегда предоставляла мне пространство для самостоятельной жизни — возможность быть свободным, сильным и самодостаточным. Не могу похвастаться тем, что я понял и оценил это сразу. Свободой я пользовался, мягко скажем, легкомысленно. Бегал с пацанами, дрался, воровал яблоки в садах — обычное дворовое детство в одном из самых неблагополучных и криминальных районов Москвы. Не думаю, что маме мой образ жизни нравился. Скорее всего, она переживала и размышляла о том, как наставить меня на правильный путь.

Способ, который она выбрала, сильно отличался от общепринятой педагогической традиции. Мне не читали мораль и редко ругали. Мама верила — свобода это лучший воспитатель. Она сразу предоставила мне в распоряжение мир больший, чем я мог занять и освоить. Это была одежда на вырост, и я был просто обречен однажды совпасть с ней размером.

Мама всегда была моим другом. И не только моим. Вообще дружба была главным ее инструментом. Незаметно и ненавязчиво она всегда оказывалась рядом, когда я в этом нуждался, помогала, где я не мог справиться, и тактично отступала в сторону, когда моих сил было достаточно. Всю свою жизнь я советовался с мамой в момент принятия важных для себя решений. В детстве, в молодости, и когда я окончательно ушел из науки в бизнес. Маме не надо было знать математику и разбираться в технологиях или инвестициях, чтобы понять меня. Она не столько изучала обстоятельства моих проблем, сколько меня самого. Ее принцип универсален и точен — следуй собственной правде, делай то, что считаешь правильным и важным. Тогда все получится.

Я счастлив, что сейчас могу стать в каких-то вещах опорой для нее, счастлив, что могу разделить с ней радости и горе. Самой

большой потерей для нее была и остается смерть ее мужа и моего отчима Андрея Вознесенского. В день его смерти она как будто превратилась в ослепительно неподвижный кусок льда. Казалось, она ничего не чувствует. Но надо было знать мужество и силу Зои Богуславской. Я помню, как отчаянно и горько плакала она, когда осталась одна с телом мужа, думая, что ее никто не видит.

Через год после смерти Андрея мама стала инициатором создания фонда имени Вознесенского. Первоначально предполагалось, что он будет заниматься изучением и популяризацией наследия поэта, но очень скоро стало понятно — имя Вознесенского не может стать только частью истории. Фонд учредил собственную премию «Парабола», чье название взяли из одноименной книги Вознесенского. Мама заразила меня своей энергией, и я стал думать о создании культурного Центра, где проводились бы мероприятия, посвященные поэзии, истории и современной российской культуре. В 2018 году на Большой Ордынке в особняке начала XIX века наш Центр Вознесенского наконец открылся.

Да, наверное, кто-то скажет, что мамина книга и сам ее характер принадлежат тому поколению, которое по большей части давно сошло со сцены. Ушли их ценности, страсти, их святая вера. Моя мама осталась едва ли не одной из последних. Порой я сам думаю, все это имеет скорее археологический интерес. Слишком многое изменилось в мире и в человеке. Но когда в прошлом году мы отмечали столетие Зои Богуславской, я был поражен увидеть столько прекрасных людей, тех, кто в любых других условиях никогда бы не встретился друг с другом. Журналисты, ученые, писатели, артисты, музыканты, и сотни людей, о которых я ничего не знал. Разных возрастов, принадлежащие к разным кругам, все они сочли своим долгом прийти ее поздравить. Зоя Богуславская объединила всех. Я тогда понял — при всей современной разорванности нашего общества есть то, что делает нас друзьями. Это именно то, во имя чего всегда жила моя мать, — честь, свобода, упорство и верность самим себе. Какими бы разными мы ни были. В этом мы все согласны с Зоей Богуславской.

Леонид Богуславский

Часть первая

Зоя

В Ш О К О Л Ь Ш О К О Л Ь Ш О К О Л Ь Ш О К О Л Ь Ш О К О Л Ь

Я назову это «Письмом к сыну». Он — единственное существо в мире, которое значит для меня больше, чем потрясающе счастливые влюбленности в трех мужчин и в родителей, которых я любила безмерно. Именно ему я расскажу правду о том, что всегда было моей внутренней жизнью, а не только внешней.

З. Б.

Глава 1

Самые первые воспоминания

25 ноября 2016 года

Я очень любила своих родителей. Отца — Бориса Львовича Богуславского, в советские годы очень успешного человека, чуть ли не в 30 лет он стал главным конструктором в Станкострое. Я гордилась матерью, которую помню круглосуточно обложенной бумагами в обществе каких-то молоденьких медсестер. Склоненные над столом, они сидели ночами и делали что-то, что было для них важнее всего. Впоследствии я узнала, что это были исследования, связанные с созданием детского инсулина. Их накрыла кампания по борьбе с генетикой, начавшаяся в связи с одним из величайших по вредности постановлений Иосифа Виссарионовича Сталина, который загубил языкознание, загубил сельское хозяйство, загубил военную науку и так далее, и так далее.

Я сейчас не буду вдаваться в обсуждение человека, который определял время моей жизни до 53-го года, потому что тогда все было плюсом в мое детство и отрочество и стало таким минусом потом, когда я прочитала стихи, узнала биографии загубленных великих людей и поняла тот вред, который был нанесен всему развитию страны все годы, кроме времени целенаправленной, беспощадной борьбы с врагом с 41-го года, когда фашизм накрыл часть страны и мог поработить людей моей страны. Не об этом сегодня я хочу сказать.

Имея таких родителей, взрослость в понимании, которое у меня было в отрочестве, почему же я не могу вспомнить ни одного истинно счастливого эпизода моего детства? Почему?

И сегодня у меня возвращается порой на какие-то краткие периоды то ощущение глубокой несчастьливости, которая была у меня в детстве.

Моя мама родила меня в 1924 году. Будучи на шестом месяце беременности, она пошла хоронить Ленина. Да-да, в 1924-м! Тот год памятный — год смерти Ленина. И так получилось, что я родилась под знаком Ленина. Да что я! Вся страна десятилетия жила и воспитывалась под этим знаком. Безусловный символ — первый вождь, родившийся с революцией, создатель новопорядка в России, сменивший полностью режим, ценности, понимание жизни, конституцию, — все, вместе взятое, то, чем была Россия, на Советский Союз. И мама пошла хоронить Ленина, полагая, что это — наше всё.

Для моих родителей революция была очень важной положительной составляющей их работы, ценностей, их национальности, возможности учиться и ездить после черты оседлости, быть принятыми в любое учебное заведение — эти свободы были связаны с равенством, которого никогда не было доселе, они пришлись им по вкусу. Мои родители ликовали по поводу того, что случилась революция, не будучи никогда политическими или активно-социальными людьми. У них был один лозунг, который передался и мне навсегда: необходимо знание! И для отца, и для матери это была одна из связующих, которая позволила ей, студентке медицинского Харьковского университета, и ему, студенту технологического Харьковского института, полюбить друг друга, сойтись и, уехав по призыву на борьбу с эпидемией тифа после Гражданской войны, переехать в Москву и остаться здесь навсегда.

Я уже родилась в Москве, и никогда никакой другой праматери-Родиной, или как хотите назовите, у меня не было. Я родилась 16 апреля, Ленин умер 21 января 1924 года, то есть за три месяца до родов мама с громадным пузом поперлась в эту толпу, считая своим долгом почтить память гения, который переустроил страну и жизнь. Так началась моя сопричастность с вождями.

Следующим вождем, как известно, был Сталин. Я о нем ничего плохого не знала, Сталин был наше всё. Мое поколение до Великой Отечественной войны жило в сознании, что ничего другого быть не может, что Сталин и есть тот фон, та власть и то жизнеустрой-

ство, которое легло на нашу биографию, на век, и, конечно, это очень усилила Отечественная война. Она заставила утвердить это понимание и анализ той текущей истории: «Сталин — наша слава боевая! Сталин — нашей юности полет! С песнями, борясь и побеждая, Наш народ за Сталиным идет!» Этот слоган, эта песня, эта звуковая мелодия и слова были тем фоном, на котором, казалось, наша жизнь начнется, продлится, и так мы будем помирать.

Тысячи людей с этим именем на устах погибали, и, конечно, победа в Отечественной войне соотносилась с ролью Сталина, и никакие лишние потери, неверные ходы, никакие оглядывания назад, в начало, не заставляли задумываться. Было одно — победа, и какой ценой она досталась, долго никто не анализировал. Только потом, когда появились первые книги, в какой-то мере правдиво отражавшие войну, высветилось, чем была война на самом деле и что потери, которые понес народ, и сталинское изымание из всех слоев интеллигенции, лучших ее представителей: военачальников, людей науки, искусства, — все это в котле нашего анализа прошлого впоследствии перемешалось и показало нам то, что происходило на самом деле.

Сталин был неотъемлемым благом в сознании нашего поколения, поэтому и я пыталась пойти на фронт; меня не взяли, и я поступила на скоротечные медицинские курсы, пошла работать в госпиталь с тяжелоранеными, где моя мать была заведующим в это время. Это был патриотизм в чистом виде, тот золотой патриотизм, который не надо препарировать, усиливать ни лозунгами, ни партийным воспитанием, это был единый порыв понимания того, что без такой Родины и без такого управления этой страной, без этого мироустройства невозможно жизнь себе даже представить.

Когда после XX съезда началось разоблачение преступлений сталинизма, мои родители не могли поверить и долго считали, что это какая-то роковая ошибка. Им все дала советская власть, они были за все благодарны ей — и вдруг... преступления власти!

Мои отец и мать познакомились, когда работали на борьбе с эпидемией тифа студентами. Они трудились и уже постепенно получали «премии» от первой советской власти — например, получили комнату в обширной квартире буржуев, которых тогда утесняли, как утесняли всех богатых, имевших большие площади.

Воспоминаний о пребывании там у меня отпечаталось мало. Когда я впоследствии говорила с мамой, она многое рассказывала. Например, моя мама очень хорошо готовила, все всегда восхищались ее блюдами, всегда было разнообразно и вкусно. И вот она мне рассказала, что научилась готовить в том доме, где их поселили в Москве. У этих хозяев была повариха, мама околачивалась на кухне, и повариха учила ее жизни и что-то готовить. И она потихоньку научилась всему, что готовилось для барской семьи, все эти рецепты печенья, салатов, мяса, все было взято оттуда. Мама всегда из малого могла приготовить нечто особенное.

Я была послушным ребенком, я редко перечила и бунтовала против родителей. А они были такие правильные, такие правдивые, такие совестливые, что, конечно, я всегда считала себя неравной им, их деятельности, их умению отдавать себя целиком тому общественному делу, той нити, которую они считали главной в своей жизни, а именно — работе.

Женщина с ребенком считалась обузой для революционного движения. Это было время, когда рождение ребенка, личная жизнь, быт были позором, мещанством; время, когда самым главным в жизни было — если твой портрет вывесили на красную доску, как портрет отличника производства, успешной ученицы, студентки, то есть шло поощрение сделанного для общества, государства, а вовсе не того, что достигнуто в семье, в личной жизни. Не было той многодетной матери, которая бы ощущала одобрение общества, не было той хозяйки, быт которой вызвал бы восхищение.

Это была другая эпоха. Но у меня-то! У меня было ощущение, что мои родители никогда не могли нарушить ни одной заповеди, и только потом я узнала, что они тоже что-то скрывали. Вот одно из воспоминаний.

У нас в квартире одно время жила полубезумная женщина — очень красивая, хрупкая немка, которую звали Гертруда. Почему-то мне никогда не давали с ней говорить и о ней никогда не рассказывали, но я видела, как она тенью проскальзывала в ванную или куда-то еще. Потом я узнала, что это жена репрессированного сотрудника (по-моему, его фамилия была Альперович) того исследовательского института, в котором работал мой отец с немцами. У нас была фотография, на которой были запечатлены все

вместе — молодые, с интеллигентными, веселыми лицами ученые, сотрудники и преподаватели, которых посылали на повышение квалификации за границу (был такой период). Я жила тогда годовалая или двухгодовалая с родителями в Германии, когда они проходили повышение квалификации: мама в клинике Штерна, а папа на каком-то производстве. И эту Гертруду родители прятали в 37-м году, когда мне было около тринадцати лет. Вопросы пришли настолько позже, когда я уже стала человеком взрослым, хотя у меня бывали какое-то озарения, какое-то понимание и до того.

Сейчас не буду вдаваться в политическую, идеологическую составляющую моей жизни. Самым первым человеком, который начал открывать мне правду про режим и Сталина, был Леонид Зорин, драматург, внутренне поэт, удивительно закрытый в старости человек, которому оказался нужен только стол, рукопись и право творить. Он был самым близким другом нашего сообщества, или «пятибабья», как нас назвал Борис Слуцкий, — меня и моих четырех подруг, которые составили столь заметную талантливую группу уже с первого курса ГИТИСа. Зорин сказал мне впервые, что Кирова в 34-м году убили по приказу Сталина, потому что он оказался при голосовании в Верховный Совет более успешным, чем ему полагалось быть, то есть почти всенародным любимцем.

Но вернусь к детству. Мое детство всегда было насилием над тем, чем я была по-настоящему, потому что родители боялись, что я вырасту какая-то не такая, как они, что я переступлю через какие-то понятия, законы нравственности, поэтому были со мной строги.

Отец в 30 лет стал главным конструктором в Станкострое. Его послали на учебу в Германию, поэтому я с детства знаю немецкий язык. Это было до победы фашизма, до 1933 года. Мы вернулись. Потом отец защитил диссертацию, стал научным руководителем Института станкостроения имени товарища Сталина. У него вышло много книг, поколения студентов Станкина учились по учебникам профессора Бориса Львовича Богуславского, он вырастил плеяду молодых ученых. Его аспиранты постоянно клубились в нашей квартире. Его все время вызывали в республики, где он выступал оппонентом диссертаций на свои темы: в Грузию, Армению, Узбекистан. Многие его благодарили, потом ездили к нему в гости, даже когда его не стало, приходили к нему на могилу.

Отец был удивительно скромный человек, предупредительный. Когда он шел по деревне, близ нашей дачи, то снимал шляпу и здоровался с каждым встречным. Он был скромен и на службе.

Однажды его вызвали к министру тяжелого машиностроения, который в прошлом был его учеником, посоветоваться. Это было в июле, стояла страшная жара, отец ехал с дачи, оделся, как и положено для встречи с министром — костюм, галстук... А было ему уже 60 лет. Разговор закончился, министр пошел провожать его к двери и спросил: «Борис Львович, вам заказать машину или вы на своей машине?» Отец ответил: «Нет, я на электричке». Министр изумился: «Вы что, специально ехали сюда в такую жару на электричке? У вас что, машины нет?» Деньги у нас были. Но в советские времена, чтобы купить машину, надо было записываться в очередь и ждать годы. Каждое предприятие и организация имели свои лимиты. Или надо было обладать пронырливостью, иметь знакомства, пролезать, как тогда говорилось, «с заднего крыльца». Или же обращаться, как опять же тогда говорили, «в инстанции», демонстрировать ордена, медали, звания и прочее. Отец, разумеется, на такое был не способен. Министр, узнав, удивился, вызвал заместителя и приказал немедленно организовать продажу автомобиля Борису Львовичу Богуславскому. Так в нашем доме появилась первая машина, на которой ездил в основном мой сын Лёня, которому исполнилось тогда 18 лет.

Отец был всегда очень добросовестным, мало, я думаю, таких работников, он все делал по максимуму и до дотошности, всегда набело. Потом на этом же заводе имени Орджоникидзе он стал ученым и заместителем директора, но его должность не ощущалась абсолютно, он не брезговал помогать матери, когда это было нужно.

Мама моя — Эмма Иосифовна Розовская — болела постоянно и была хилая, но даже при проблемах с сердцем она всегда вертелась и все делала по дому. Наверно, я это от нее получила в наследство, моя подруга говорила, что у меня гомеостат — умение «выпрямиться» даже после тяжелой болезни. Потом, когда я увлеклась йогой и поняла, что мне нужно для поддержания здоровья, я выучилась этому возобновлению в себе ритма и перестала быть больным человеком, каким была лет до тридцати, — то падаю, то болею, то голова кружится.

Все это кончилось сегодня. Теперь у меня, в преклонном уже возрасте, из-за полного несоответствия моего характера и порывов с моими физическими возможностями, много падений и травм. Я всегда быстро двигалась, танцевать люблю до сих пор, себя ощущаю молодой и не всегда понимаю, что физических данных у меня уже таких, к сожалению, нет. Но мама была не спортивная, и она меня по этой части ничему не научила. Я ее помню зарывшуюся в бумаги, когда она занималась своими научными открытиями и просила, чтобы никто ее не трогал. Не до спорта ей было! Но она очень любила молодых, и с ней все время общалась молодежь и ее ученики.

Моя бабушка со стороны отца и моя мама часто «удочеряли», «усыновляли». Помню, что студентка ГИТИСа Алиса из Прибалтики, которая дружила с Колей Озеровым, тогда актером МХАТа, жила у моей бабушки очень долго. Жил у нее временами также и мой первый муж актер Новицкий. Бабушка была счастлива оттого, что с ней кто-то живет. Я полная противоположность бабушки, я не могла жить ни с кем, кроме Андрея, я все время хочу одиночества, другие люди мешают мне остаться с ним внутренне.

У нас в семье, конечно, главной была мама, она была лидером. Отец — вспыльчивый, и если он говорил «нет» или выходил из себя, то справиться с ним могла только мама — своей нежностью и любовью. Между ними была какая-то приспособленность к привычкам друг друга. Это сродни товариществу, как говорят, они вместе прошли огонь и медные трубы.

Ссорились крайне редко, но отец мог выйти из себя. Однажды он нас застукал, когда наша гоп-компания своровала с чужой дачи цветы. Нам они не нужны были, мы просто хулиганили. Отец вышел из себя, первый раз отхлестал меня ремнем, мои дружки разбежались. Так он раз и навсегда сказал мне, что чужое — это не твое. Я много раз потом находила деньги и всегда искала того, кто их потерял.

Мои родители даже не понимали, например, как можно хвастаться, говорить: «Я сделал то-то и то-то». Это выжигалось в нашей семье. Мне они привили самоотверженность, честность, умение стать необходимой в какой-то момент для человека, который нуждается в поддержке. И они очень ценили знания. Они исповедовали одну

веру — и мать, и отец, что человек должен выйти в люди сам по себе, своими способностями. Для этого надо только одно — воспитать честным, надеющимся на себя и все умеющим делать, а дальше отпустить, голова все сработает сама.

Второй прививкой в моем воспитании, кроме данного родителями, было погружение в семнадцать лет в горе и катастрофу Великой Отечественной войны. Мама заведовала отделением в эвакуогоспитале, вместе с ним мы приехали в Томск. Днем я училась в школе, вечером на курсах медсестер, после них работала в госпитале.

Там были тяжелораненные, которые уже не могли вернуться на фронт. Я, девочка, с ними разговаривала по ночам, выслушивала истории о том, как погибали их товарищи, молодые, красивые ребята. Был парень из Грузии, у которого оторвало ноги и руки. Он хотел, чтобы я его усыпила насмерть, но самое главное, чтобы жена не узнала, что он жив. У него было двое детей, он в 18 лет женился, и у него жена была молодая. Я разыскала ее, написала об этом. Без слез не могу это вспоминать. Она приехала, она целовала эти обрубки, увезла его и была счастлива, что он жив. Таких историй было очень много, я это вынесла.

И еще воспоминание. Мама заболела и попала в больницу. Я каждый день ношу крапивный суп и отовариваю хлебные карточки. Иду однажды, несу ей, а на меня налетает стайка мальчишек: «Тетенька, проверьте нам облигацию, может, мы выиграли». И показывают на сберкассу. Я захожу туда, проверяю: ничего они не выиграли. Иду дальше. И вдруг откуда-то с горы, это была самая высокая улица в Томске, опять бегут эти сорванцы и кричат: «Тетенька, тетенька, вы оставили карточки!» Они все мне вернули — голодные дети! Они догнали меня через полтора километра, голодные, в сорокаградусный мороз!

Эта прививка добра и сострадания сыграла очень большую роль и в выборе, и в решениях, в очень многих моих поступках в течение жизни. Я не верю в Бога, но верю в предназначение, в какое-то нами не познанное звено, которое может быть названо ангелом-хранителем. Слишком много я видела несправедливости, абсолютно непонятной для меня, губительности для человеческой жизни, чтобы поверить в некое высшее существо, которое вершит жизнь на Земле и может остановить несправедливость.

Мои родители любили Андрея. Они очень тяжело переживали мой разрыв с моим вторым мужем Борисом Каганом, но ни разу не сказали ни одного слова осуждения, не отговаривали, они молча, со слезами на глазах, приняли ситуацию и полюбили Андрея. Мама болела, мы с Андреем приходили к ней, Андрей всегда спрашивал: «Какие там новости?» И она рассказывала нам — она слушала все новостные программы и хотела быть ему интересной.

Уход моих родителей был мучительным. Отец говорил: «Отпусти меня». Ему невыносимо было лежать в этих проводах, капельницах. С мамой оказалось еще страшнее. Позвонили из больницы, сказали, что она умерла. Я примчалась туда, вбежала к заведующей отделением, она говорит: «В коридоре лежит, мы ее не увозим в морг, она скончалась утром». Я подбежала, нашла эту кровать, взяла мамину руку, и мне показалось, что еще какой-то остаток тепла в этой руке есть. Я взяла руку, стала ее массировать, звать: «Мама, я приехала». Вдруг показалось, что у нее дрогнуло веко. Стала еще сильнее ее массировать, восстанавливать кровообращение. Приложила зеркало к губам: дышит! Побежала к этой заведующей отделением, закричала: «Она жива! Как вы можете?» После этого я вытащила мать из больницы, и она жила еще три года.

Родившись под знаком Ленина, я впоследствии не испытывала особой любви к вождю, хотя для страны он был иконой. Когда Хрущев разоблачил преступления Сталина и сталинизма, Ленин остался как бы в стороне от преступлений режима, считалось, что были «ленинские нормы демократии», которые и уничтожил Сталин, а Ленин так и оставался иконой. Андрей тогда написал знаменитое стихотворение «Уберите Ленина с денег». Я очень хорошо его понимала, почему и откуда это взялось. Народ и страна жили в мифе о «самом человечном человеке». Пройдет много времени, прежде чем придет понимание преступности режима как такового, основоположником которого и был Ленин. Так что идеологема сталинских лет — правда: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта неисчерпаемость ненависти ко всему, что выше их понимания, отбросила страну на много десятилетий назад, что ощущается сегодня.

Время идет, и оно настолько резко изменилось, как не менялось никогда в истории нашей страны. На дворе новая цивилизация — компьютерный век, век информационных технологий. Абсолютно

новые системы, составляющие другую модель мышления и поведения. Это, конечно, глобальное ошеломление, но мне в новом времени живется неплохо. Во-первых, у меня работают молодые ребята, они всем этим уже владеют. Ощущение, что они родились с этими знаниями. Семилетний сын моей домоправительницы Лены уже отлично управляется с компьютером. Конечно, разрыв между теми, кто живет по старинке, и новым, компьютерным поколением колоссален. Людям, которые ничего в этом не понимают, очень тяжело. Но повторяюсь, меня это не коснулось, я человек думающий, анализирующий и очень быстро начинающий понимать, что надо. Если мне это лень, то кто-то это за меня быстро сделает, и получается, что я все равно пользуюсь плодами технологических достижений века.

А поскольку сегодня мне уже 93 года, я воспринимаю жизнь как чудо, как высшую благодарность судьбе за то, что я на своих ногах, при своих ушах и глазах. Я практически здоровый человек: то есть я сама могу себя обслуживать, могу сама работать и продолжаю придумывать что-то на работе, потому что придумывание — это и есть мое привычное состояние. Я просыпаюсь, еще лежу в постели, а уже мысли вскочили в голову, и я ничего не могу сделать, не могу спать. Бесконечные воспоминания... или мне вдруг приходит в голову какая-то новая идея или впечатление, новое толкование старого смысла. Я вспоминаю встречи и людей. Этот мыслительный процесс происходит непрерывно. Я всегда живу с лозунгом Татьяны Бехтеревой, которая говорила: «Умные живут дольше». И я, глядя вокруг, отмечаю: все, кому за 80 лет, — очень умные люди.

Вот моя подруга Инна Вишневская. Она очень давно лежит, не ходит, целыми днями смотрит телевизор. Я спросила: «Что же ты вообще делаешь, если ты не читаешь, не пишешь, а только смотришь телевизор?» Инна моментально ответила: «Как — что? Я думаю!»

И я поняла: она лежит, и перед ней проходит вся ее жизнь.

Глава 2

ГИТИС

Ленинградский проспект

Каганы

29 сентября 2003 года

Проживя долгий срок, я еще в состоянии не только диктовать, но и ходить, и даже работать. На моих плечах, кроме фонда, который занимается популяризацией творческого наследия Андрея Вознесенского и культуры его эпохи, а также координирует деятельность премии «Парабола»¹, появился еще и Благотворительный культурный центр Вознесенского. Председателем попечительского совета уже взялся быть мой сын Леонид Богуславский, я думаю, он будет моим правопреемником во всех моих акциях, связанных с Андреем Вознесенским, с моей памятью о нем, с моими сорока шестью годами, прожитыми вместе с ним, с этим ужасом его ухода из жизни, когда по всей логике и правилам должно было быть наоборот, — я, которая старше его на восемь с половиной лет, должна была уйти первой.

Именно поэтому, кстати замечу, у меня не было никаких документов, оформленных на меня, никаких завещаний, ничего — я настолько была уверена, что уйду первая и что мне не о чем в этом смысле не только беспокоиться, но и вообще грешить подобными мыслями. Потом пришлось все налаживать: дача, записанная на него, и так далее, и так далее, — но сейчас я не об этом. Продолжаю о моей жизни.

В Томске я работала в военном госпитале до поступления в Ленинградский театральный институт, который был там в эвакуации, проучилась год и перевелась в ГИТИС, когда вернулась после эвакуации в Москву.

Научно-популярное издание
Танымал ылыми басылым

Зоя Богуславская

ХАЛАТНАЯ ЖИЗНЬ

Руководитель проекта *Ольга Ро*

Редакторы

Анна Николаева, Анна Подорванова, Мария Николаева, Анна Черниховская

Менеджер проекта *Татьяна Маслова*

Дизайнер *Надежда Данильченко*

Технический редактор *Лидия Синицына*

Корректоры *Светлана Луконина, Ольга Левина*

Верстка *Михаил Быковский*

Фотографии дома Зои Богуславской *Наталья Кирсанова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.02.2025.

Формат 72×100/16. Гарнитура «CharterITC». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,89.

Тираж 3000 экз. О-PRS-36530-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» —	«Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
обладатель товарного знака КоЛибри	КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге	«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, г. Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

